

— **МОЙ ОТЕЦ** был индейцем. Он не имел ничего, даже собственной фамилии. Еще мальчишкой он начал батрачить. Тогда ему дали чужую фамилию — Родригес. Так его продолжали называть, и когда он рубил лес в Чако для аргентинской компании, которая на самом деле была английской. Деревья истреблялись хищнически. Компания богачей. Отцу же оставался только соленый пот и соленые слезы. Иногда он брал в руки топор и для того, чтобы постоять за себя. Но против бунтарей компания направляла полицию с винтовками. Я рос там же, где мой отец оставил свои силы, свою молодость. Там же сменил топор на гитару, осознав, что слово и песни тоже могут быть оружием. А узнав, почему наша семья зовется Родригес, я решил: мне не нужно одолженного кем-то имени. Я, как и мой отец, — индеец из народности гуарани. Так пусть меня зовут просто Гуарани. Так я стал певцом с этим именем.

Орасио Гуарани взял в руки гитару и, настраивая ее, добавил:

— А вообще я всех людей считаю певцами. Одного слушает весь мир. Другого — только он сам. Но главное — человек не должен молчать, певец не должен молчать.

Голос Орасио Гуарани зазвучал над тихой улицей Уани в Буэнос-Айресе с такой силой, что люди, проходившие мимо, останавливались у его дома, аплодируя певцу.

Если смолкнет певец,
Угасает жизнь.
Если смолкнет певец,
Погибает надежда.
Если смолкнет певец,
Рабочие остаются

покиннутыми,
Когда они бастуют,
Когда они борются.
Нет, певец не может молчать
Перед несправедливостью,
Перед преступлением...

Необычна история этой песни. Сочиненная Гуарани, она стала народной. У песни красивая мелодия и простые слова. А родилась она как песня аргентинских коммунистов в трудные для Аргентины времена. Страну терзал реакционный военный режим. Однако солдатские штыки не могли заставить покориться народ: протестовали трудящиеся, студенты, протестовали все демократы, все пат-

риоты. Мобилизующие звучали пламенные призывы Коммунистической партии Аргентины, которая продолжала мужественную борьбу в подполье. Сражался с врагом своим оружием — песней — и Орасио Гуарани. Его мелодии подхватывали забастовщики, манифестанты. И когда раздавались слова: «Нет, певец не может молчать перед несправедливостью, пе-

ред преступлением...» — все говорили, что поющий, должен быть, коммунист. А вско-

ре Орасио Гуарани смело и с гордостью подтвердил это во всеуслышание, открыто заявив о своих убеждениях. Это произошло, когда однажды ему удалось добиться трансляции по радио своего большого концерта. Конеч выступления Орасио Гуарани был похож на внезапный взрыв бомбы у микрофона. После прощальной песни он воскликнул: «Я принадлежу к доблестной Коммунистической партии Аргентины».

...И снова певец должен был скрываться от преследований.

В ПЕРВЫЕ гонения обрушились на Гуарани в 1957 году после его возвращения с Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Горько было певцу смотреть на то, как у него отнимали привезенные с

собой на память о Москве сувениры — значки, открытки, пластинки. Около двух лет прятался тогда певец, объявленный «разносчиком подрывных идей», от полицейских ищек.

С тех пор его «запрещали» много раз. Надолго. За то, что он воспевал свободу и правду, протестовал, звал к борьбе против социальной несправедливости. Песни ему

приходилось записывать в подполье. И оттуда они доходили до людей.

О тех тяжелых, подчас драматических днях Орасио также напомнил песней:

Мы прошли через тюрьмы,
Мир от нас ограждала
решетка.
Но мы подарили голубку
сыну тюремщика,
Чтобы он увидел, как она
летает,
Чтобы он понял, как
прекрасен мир...

И тут Гуарани оборвал песню и перешел на обыкновенный разговор под аккомпанемент гитары — так он часто обращается со сцены к зрителям:

— Пусть у мальчика будет добрая душа — душа моего народа, моей страны...

Его песни рождались среди крестьян-гаучо пампы и Патагонии, в рабочих кварталах Кордовы и Буэнос-Айреса, среди рубщиков сахарного тростника в Тукумане, среди индейцев кечуа и гуарани.

Я сам оттуда — из далекого
бедного края.
И моя песня — тоже отсюда.
Она как стон, как боль.

Мощный напор народной борьбы смел военную диктатуру в Аргентине. Весной минувшего года в стране был восстановлен конституционный порядок. После долгих запретов и преследований Коммунистическая партия вышла из подполья и стала легальной.

Одну из последних пластинок Гуарани я привез с собой в Москву. Это «золотой диск», который разошелся в стране невиданным тиражом. Орасио сказал мне, что вес-

ной будущего года он собирается приехать с концертами в Советский Союз. «Я всегда вспоминаю о Советском Союзе и жду того времени, когда снова смогу встретиться с советскими друзьями и спеть для них песни о моей стране, о моем народе, о его борьбе», — сказал он.

Сегодня голос Гуарани звучит свободно. А что будет завтра?.. Разгул правого тер-

рора захлестывает страну. Наемные убийцы подкладывают взрывчатку в помещения демократических партий и организаций, стреляют из-за угла в прогрессивных деятелей.

В последний раз я был в гостях у Орасио, когда стены его дома были обуглены — следы брошенной ночью бомбы. К счастью, обошлось без жертв. Перечисляя уничтоженное взрывом, газеты упомянули гитару, о которой больше всего сокрушался певец. На следующий день к Гуарани пришел юноша, который не назвал себя, а только сказал:

— Я принес вам такую же гитару, как ваша, сделанную нашим любимым мастером. Она у меня одна. Но я ее отдаю вам...

УЖЕ ВОЗВРАТИВШИСЬ в Москву, я узнал, что новоявленный «эскадрон смерти» — «антикоммунистический альянс Аргентины» угрожает расправой певцу. Эта правая террористическая организация действует как ударная сила реакции, стремящейся парализовать освободительный процесс в стране, запугать патриотов. Мне вспомнились слова Орасио, когда он говорил о взорвавшейся в его доме бомбе: «Они пытаются подорвать нашу веру. Они хотят поколебать нашу убежденность, растоптать наше достоинство. Но песню, если в ней говорится правда, им не убить!».

Л. КОСИЧЕВ.

Буэнос-Айрес — Москва.